
Процессъ образованія западно-европейскихъ національностей¹⁾.

Трудность вопроса — Вердюнскій договоръ и его значеніе въ исторіи западно-европейскихъ національностей. — Распаденіе франкскаго государства на двѣ половины: западную и восточную: происхожденіе въ первой романскаго, а во второй германскаго населенія — Возникновеніе германской національности — Этнографическій составъ Франціи — Итальянская и Испанская народность

Безспорно, что такія многосодержательныя явленія, какъ образованіе цѣлаго народа, а тѣмъ болѣе образованіе нѣсколькихъ народностей, принадлежать къ числу самыхъ сложныхъ историческихъ процессовъ, рѣдко поддающихся внѣшнему наблюденію. Эти явленія не происходятъ на поверхности исторической жизни, открытой для современниковъ, а совершаются въ глубинѣ ея и слагаются на протяженіи цѣлыхъ столѣтій, подъ дѣйствіемъ весьма различныхъ факторовъ. Ни одно событіе, пережитое тѣмъ или другимъ племенемъ, не пропадаетъ для него даромъ: оно вліяетъ на его дальнѣйшую исторію, оставляетъ свои слѣды въ

1) Въ виду недоумѣній, вызываемыхъ у нѣкоторыхъ читателей, какимъ образомъ я, будучи профессоромъ церковной исторіи, печатаю статьи не по своей специальности, и ужь не черешель-ли я на кафедре новой гражданской исторіи, я долженъ заявить, что первоначально я приглашенъ былъ въ Академію на кафедру *новой гражданской исторіи*, на которой и оставался въ теченіи 3 хъ лѣтъ, при чемъ первую половину учебнаго года преподавалъ исторію западно-европейскаго средневековья съ краткимъ очеркомъ развитія королевской власти во Франціи за средніе вѣка, во второе — исторію Византійскаго государства. Печатаемая по исторіи западно-европейскаго средневековья статьи являются результатомъ этихъ занятій *Авторъ*

характеръ и строе его жизни и оказываетъ свое воздѣйствіе въ той таинственной лабораторіи, въ которой изъ племеннаго типа вырабатывается типъ національный. Даровитый лѣтописецъ, заносъ на страницы своей хроники совершившіяся при немъ событія, легко замѣчаетъ крупнѣйшія изъ нихъ въ особенности,—тѣ, которыя бьютъ въ глаза, поражаютъ эффектомъ, какъ напр. войны, переселенія и пр., но онъ не можетъ опредѣлить характера и степени ихъ вліянія на дальнѣйшую судьбу его племени, такъ какъ его кругозоръ, ограниченный только настоящимъ, слишкомъ узокъ для этого. Ему невидны также и тѣ мелкіе факторы, которые неизмѣнно, съ упорнымъ постоянствомъ дѣйствуя на племя или народъ, налагаютъ на него опредѣленную физиономію и создаютъ изъ него самобытный типъ. Поэтому мы напрасно стали бы въ извѣстіяхъ хроникеровъ искать указаній по вопросу о процессѣ образованія той или другой народности; мы вообще напрасно стали бы искать такого единичнаго событія, къ которому можно было бы привязать самый моментъ возникновенія народности. Не въ лѣтописяхъ и не въ документахъ, а въ особенностяхъ языка, быта, политическихъ формъ и народнаго характера сокрыты тѣ данныя, которыя могутъ разъяснить намъ элементы, вошедшіе въ составъ той или другой народности. Тѣмъ не менѣе въ вопросѣ о происхожденіи теперешнихъ западно-европейскихъ національностей мы имѣемъ одно событіе, которое въ практическомъ отношеніи съ наибольшимъ удобствомъ можетъ служить исходнымъ пунктомъ для рѣшенія его. Это—упомянутый мной сейчасъ Вердюнскій договоръ 843-го года. Онъ называется историками „днемъ рожденія западно-европейскихъ національностей“ и ставитъ насъ на порогѣ современной Европы. Само собой понятно, что это выраженіе „день рожденія“ нужно понимать въ условномъ метафорическомъ смыслѣ. Вердюнскій договоръ не создалъ и не могъ создать—западно-европейскихъ національностей; но въ немъ они въ первый разъ рѣшительно проявились на поверхности исторической жизни и стали вліятельнымъ факторомъ въ дальнѣйшемъ развитіи событій. До Вердюнскаго раздѣла мы видимъ передъ собой только варварскіе государства съ чрезвычайно разнообразнымъ, смѣшаннымъ населеніемъ; послѣ же него надъ множествомъ мелкихъ

государствъ, на которыя распалась имперія Карла Великаго, ясно уже выдѣляются главнѣйшія западно-европейскія національности, постепенно превращающіеся въ цѣльные, тѣсно сплоченные народы. Когда исчезли съ лица земли послѣдніе королінги, историкъ, уже не прибѣгая къ натяжкѣ, можетъ говорить о Германіи, Франціи, Италіи и Англии, какъ о странахъ съ достаточно выраженной національною фizioноміей.

Согласно Вердюнскому договору области франкской монархіи распались между тремя сыновьями Людовика Благочестиваго слѣдующимъ образомъ: Карлъ Лысый получилъ западную часть имперіи, включавшую въ себя всѣ франкскія владѣнія по лѣвую сторону Шельды, Мозеля, Сены и Роны; Людовикъ сдѣлался королемъ восточной части, лежавшей по сю сторону т. е. на востокъ отъ Рейна именно Австрасіи, Саксоніи, Баваріи, Аллеманіи и Каринтіи; старшій же братъ Лотарь удержалъ въ своей власти Италію вмѣстѣ съ узкою полосой, проходившей по срединѣ Европы и раздѣлявшей владѣнія Карла и Людовика,—той полосой, которая отъ имени его и сына получила названіе Лотарингіи. Если теперь на время оставить въ сторонѣ Италію, которая уже по одному своему географическому положенію выдѣлялась изъ монархіи Карла Великаго въ самостоятельную область, то мы получимъ, что въ Вердюнѣ договоромъ братьевъ—внуковъ Карла В. средняя Европа была разбита на двѣ самостоятельныхъ половины—восточную и западную. при чемъ пограничную линію между ними составила упомянутая полоса земли Лотаря. т. е. Лотарингія. Эти двѣ половины Европы уже никогда болѣе не соединялись въ одно политическое цѣлое, и ихъ исторія пошла различными путями, приведшими къ тому, что изъ восточной половины образовались постепенно современныя германскія государства, а изъ западной—современная Франція. Причина этого выдающагося значенія Вердюнскаго договора въ ряду другихъ раздѣловъ франкскаго государства, происходившихъ послѣ смерти Карла Великаго, заключалась въ томъ, что въ Вердюнскомъ раздѣлѣ политическія границы, границы власти трехъ братьевъ, совпали съ этнографическими границами, съ границами вновь образовавшихся на исторической сценѣ національностей западной Европы, такъ что *каждая область,*

выдѣленная этимъ договоромъ, представляла собой не только политически-самостоятельное, но этнографически-обособленное цѣлое. Раздѣляя среднюю Европу на двѣ половины, Вердунскій договоръ, т. о., имѣлъ въ своей основѣ національный принципъ и выполнялъ лишь то, что давно требовалось всѣмъ ходомъ зап.-евр. жизни.

Еще во времена меровинговъ, задолго до основанія имперіи Карла Великаго, франкское государство обнаружило наклонность къ распаденію на двѣ половины: западную, называвшуюся тогда Нейстріей, и восточную, носившую имя Австразіи. Уже тогда это распаденіе вызывалось ни чѣмъ другимъ, какъ именно различіемъ въ составѣ коренного населенія той и другой части франкскаго государства. Оно состояло въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, западная половина французскаго государства образовалась изъ провинцій бывшей римской имперіи, которыя носили одно общее названіе Галліи. Древнѣйшимъ населеніемъ этихъ провинцій были различныя мелкія отрасли кельтическаго племени, въ доисторическія времена занявшаго Европу и выработавшаго свой особый складъ жизни. Но послѣ побѣды Цезаря въ Галліи обитавшія здѣсь кельтическія племена потеряли свою самостоятельность и быстро подпали вліянію римской культуры. Можно сказать, что изъ всѣхъ народовъ подчиненныхъ Римомъ ни одинъ столь легко не усвоилъ себѣ римскую цивилизацію, ни одинъ столь скоро не надѣлъ на себя внѣшнихъ признаковъ чужой народности, какъ именно населеніе Галліи. О юго-восточной части Галліи еще въ первомъ вѣкѣ нашей эры говорили, что она скорѣе должна называться Италіей, чѣмъ провинціей. Тотъ же Цезарь ввелъ въ сенатъ многихъ галльскихъ уроженцевъ; съ другой стороны, и знатные римляне охотно шли въ Галлію, селились здѣсь, и смѣшивались съ первобытнымъ его населеніемъ, содѣйствуя быстрой его романизаціи. Подъ управленіемъ римлянъ, Галлія превратилась въ прекрасную страну со множествомъ богатыхъ городовъ, удобными путями сообщенія, съ бібліотеками, школами и учеными кружками, процвѣтавшими вплоть до V-го вѣка. Кельты забыли свой языкъ и свои учрежденія и такъ тѣсно слились съ побѣдителями, что составили однородное населеніе вполне римскаго характера. Когда въ эпоху переселенія въ Гал-

лю явились новыя германскія племена Вестготовъ, Бургундовъ и Франковъ, основали здѣсь варварскія государства, то въ составъ ихъ вошло и это оставшееся на своихъ мѣстахъ населеніе, говорившее римскимъ языкомъ, жившее по римскимъ обычаямъ и считавшее для себя обязательнымъ только римское право. Съ расширеніемъ власти франкскихъ королей на чисто-германскія области сюда въ разное время перешло много германцевъ другихъ племенъ или въ качествѣ заложниковъ или въ качествѣ добровольныхъ поселенцевъ. Долго эти разнородные элементы жили здѣсь рядомъ, чуждаясь другъ друга и сохраняя оригинальный племенный бытъ. Варварское законодательство, т. е. *leges barbarorum* еще постоянно и строго различаютъ римлянина—галла отъ германца. Но съ теченіемъ времени, изъ различныхъ племенъ, нагроможденныхъ на галльской почвѣ, образуется одна болѣе или менѣе однородная масса, которую еще нельзя назвать французской націей, но которая составляла то, что обыкновенно называютъ романскимъ населеніемъ. Въ этомъ населеніи уже не было ни римлянина, ни франка; они слились вмѣстѣ, составили одинъ типъ, въ которомъ преобладаніе оказалось на сторонѣ римскаго элемента. Съ германцами, поселившимися въ Галліи, случилось почти то же, что ранѣе произошло съ кельтами: они подпали вліянію римской культуры и приняли латинскій языкъ,—съ тѣмъ, однако, различіемъ, что германцы, какъ побѣдители, не забыли всего своего и въ римское наслѣдіе внесли свои германскія перемѣны, чего не могли въ такой же мѣрѣ достигнуть кельты, какъ побѣжденные. Къ 9-му вѣку процессъ образованія романскаго населенія въ Галліи уже закончился.

Законодательство Карла Великаго уже не знаетъ различія между галломъ и германцемъ: оно имѣетъ въ виду именно эту однородную массу, которая возникла изъ смѣшенія ихъ. Около того же времени т. е. въ IX в. можно видѣть и слѣды того романскаго нарѣчія, на какомъ говорила эта масса. Когда въ 841-мъ году, за два года до Вердунскаго договора, Карль Лысый и Людовикъ Нѣмецкій клялись предъ своими войсками въ неразрывномъ союзѣ, то каждый изъ нихъ, чтобы *быть понятнымъ* войскамъ другого, клялся на томъ языкѣ, которымъ говорило войско его союзника. Очевидно, между восточной и западной половиной

Франкского государства въ это время существовало коренное различіе въ населеніи, простиравшееся до различія въ языкѣ, при чемъ западная половина говорила языкомъ представлявшимъ собой германское видоизмѣненіе латинскаго языка. Эти клятвы двухъ братьевъ записаны и являются древѣйшими филологическими памятниками двухъ главнѣйшихъ европейскихъ языковъ: нѣмецкаго и французскаго.

Совершенно иной характеръ носило на себѣ население восточныхъ частей Франкского государства. Эти области состояли изъ чисто-германскаго населенія и лежали за Рейномъ, куда никогда прочно не проникало ни вѣйшее, ни внутреннее вліяніе римлянъ. Здѣсь въ чистомъ, первоначальномъ видѣ сохранялись племенный типъ германства, древне-германскіе обычаи и германская рѣчь. При Карлѣ Великомъ, германскіе элементы восточныхъ областей были усилены еще присоединеніемъ саксовъ, отличавшихся особеннымъ упорствомъ въ сохраненіи національныхъ формъ быта, и баварцевъ. Въ противоположность романизированной западной половины Франкской имперіи востокъ ея носилъ на себѣ так. обр. строгій *германскій характеръ*, не зналъ и не хотѣлъ знать ничего римскаго. Эти-то двѣ половины съ различнымъ населеніемъ и были выдѣлены на Вердюнскомъ договорѣ въ политически-самостоятельныя области и достались западная — Карлу, а восточная — Людовику. Политическая самостоятельность здѣсь, слѣдовательно, соединилась съ національной обособленностью, вслѣдствіе этого и та и другая оказалась особенно прочною. Благодаря политической самостоятельности, національныя особенности каждой изъ этихъ частей получили возможность безпрепятственнаго развитія и свободного выраженія въ обычаяхъ, нравахъ и учрежденіяхъ страны; въ свою очередь и политическая самостоятельность, опираясь на національное чувство, нашла въ немъ такую твердую основу своей независимости, какой не могли дать карловой монархіи ни ея войско, ни скопированные по римскимъ образцамъ законы и учрежденія. Лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить судьба той полосы, которая раздѣляла восточную половину Европы отъ западной и называлась Лотарингіей. Эта полоса имѣла смѣшанное, романо-германское населеніе и, потому, никогда не могла

составить собой независимое государство; она присоединялась то къ восточному, то къ западному королевству, то подвергалась раздѣлу между обоими и, не смотря на эти перемѣны, до сихъ поръ сохранила за собой характеръ пограничной страны, являясь предметомъ спора между Франціей и Германіей, къ счастью Европы, кажется, теперь уже поконченнаго.

Но Вердюнскій договоръ былъ днемъ рожденія современныхъ западно-европейскихъ народовъ, а не днемъ ихъ совершеннѣйшаго. Національное сознание не только было слабо, но почти не проявлялось. Единственнымъ признакомъ новыхъ національныхъ группъ былъ языкъ, но этотъ признакъ оказывался слишкомъ слабымъ для того, чтобы задержать естественное стремленіе того времени къ образованію мелкихъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Къ тому же внутри каждой группы, созданной Вердюнскимъ договоромъ, существовали еще свои части, отличавшіяся обычаями и особенностями языка. Поэтому должно было пройти еще значительное время прежде, чѣмъ эти группы достигли полнаго объединенія и образовали изъ себя одинъ народъ, связанный общими потребностями и съ развитымъ сознаниемъ своего единства.

Ранѣе другихъ частей Европы національное чувство развилось въ восточныхъ областяхъ ея, выдѣлившись изъ монархіи Карла Великаго т. е. въ современной Германіи. Населеніе этихъ частей, какъ мы знаемъ, представляло собой однородную массу несмѣшаннаго германскаго происхожденія. Въ этой массѣ выдѣлялись отдѣльныя германскія племена, разнившіяся между собой фізіономіей, нарѣчіемъ, оттѣнками характера и нѣкоторыми сторонами быта, но сознание единой общей народности, возвышающейся надъ этими особенностями, среди нихъ скоро явилось, благодаря постояннымъ войнамъ съ иноплеменниками—славянами и венграми. Первоначально эта половина франкскаго государства не имѣла даже собственнаго имени; она считалась еще частью одного цѣлаго, одной монархіей франковъ, и просто называлась королевствомъ восточныхъ франковъ. Даже когда здѣсь прекратилось прямое потомство Карла Великаго т. е. спустя два вѣка послѣ его смерти, новые короли этой части продолжали обозначать себя, какъ *reges orientaliū francorū*. Но когда

эти новые короли приняли на себя титулъ западныхъ римскихъ императоровъ и открыли рядъ походовъ въ Италію, обладаніе которою имъ казалось необходимо связаннымъ съ императорскимъ титуломъ, то ихъ здѣсь стали называть нѣмецкими (или тевтонскими) королями и ихъ королевство—королевствомъ тевтонскимъ. Введенное въ обращеніе сначала со стороны итальянцевъ, это имя скоро было усвоено себѣ и германцами, вошедшими въ составъ восточной половины франкской монархіи. Оттонъ Великій уже въ официальныхъ документахъ называлъ себя *rex teutonicorum* т. е. король нѣмцевъ. Это было въ концѣ X-го вѣка. Нѣсколько позднѣе тевтонская имперія получила имя Германіи: въ XI-мъ вѣкѣ это слово употреблялось еще въ смыслѣ болѣе географическомъ, чѣмъ національномъ или политическомъ: имъ хотѣли обозначить страну, а не народъ или государство; иногда же оно примѣнялось только къ древне-франкской области, центромъ которой былъ Франкфуртъ на Майнѣ—для того, чтобы отличить ее отъ владѣній другихъ племенъ. Но съ теченіемъ времени старое названіе франковъ было забыто и слово Германія получило одинаковое значеніе съ именемъ тевтоновъ. *Regnum teutonicum* и *regnum Germaniae* стали употребляться безразлично для обозначенія одного и того же государства подобно тому, какъ и слова: германецъ или тевтонъ—безразлично примѣнялись къ каждому, принадлежавшему къ этому государству и говорившему его языкомъ.

Въ противоположность этой восточной половины франкского государства, занятой однороднымъ населеніемъ и скоро составившей изъ себя одну германскую народность, западная его половина, изъ которой съ теченіемъ времени возникла современная Франція, представляла собой сложное разнообразіе. Не принимая въ расчетъ множества мѣстныхъ, областныхъ оттѣнковъ, романское населеніе этой половины ко времени Вердюнскаго договора образовывало изъ себя двѣ замѣтно отличавшіяся между собой группы. одна группа занимала южную половину страны, другая сѣверную. На югѣ римскій элементъ былъ чрезвычайно силенъ: поселившіеся тамъ вестготы и бургунды изъ всѣхъ германскихъ племенъ были наиболѣе доступны римскому влиянію и скоро подчинились окружающей ихъ средѣ: франки здѣсь были

очень немногочисленны. При такихъ условіяхъ на югѣ Галліи скоро произошло смѣшеніе германцевъ съ галло-римлянами и образовалось среднее романское народонаселеніе съ *преобладающимъ римскимъ отпечаткомъ*. Оно сохранило нѣкоторые наружный лоскъ римской цивилизаціи, нѣкоторыя преданія прежней эпохи и отличалось особенно по городамъ болѣе утонченными формами общежитія, чѣмъ сѣверная половина Галліи. Въ сѣверной половинѣ римскій элементъ уже съ самаго начала былъ слабѣе; франкскіе завоеватели поселились здѣсь въ значительномъ количествѣ, и число ихъ постоянно возрастало влѣдствіе новыхъ наплывовъ. Къ тому же по особенностямъ своего племеннаго характера франки менѣе, чѣмъ бургунды и вестготы, были доступны римскому вліянію. Въ то время, какъ въ законодательствѣ бургундовъ и вестготовъ римлянинъ всюду занимаетъ одинаковое положеніе съ германцемъ, въ салическихъ законахъ франковъ римлянинъ въ отношеніи къ вергельду т. е. вознагражденію за преступленіе цѣнился всегда вдвое менѣе, чѣмъ франкъ. Франки сами подѣйствовали на галлоримское населеніе, передали ему особенности своего характера и вдохнули въ него свѣжія силы своей неиспорченной римскимъ гнетомъ природы. И въ сѣверной половинѣ точно также произошло смѣшеніе пришлыхъ завоевателей съ коренными жителями и образовалось среднее романское населеніе, но уже съ *преобладающимъ германскимъ отпечаткомъ*. Это народонаселеніе отличалось болѣе грубыми формами жизни и болѣе воинственными обычаями, чѣмъ южные жители.—Различаясь характеромъ и правами, эти двѣ группы романскаго населенія въ Галліи разнились и въ отношеніи къ языку: южная половина была страню такъ назыв. языка d'oc, откуда и самая область получила названіе Лангедона; сѣверная же половина говорила языкомъ d'oïl. Языкъ d'oïl—это позднѣйшее французское нарѣчіе, языкъ d'oc—провансальское. Въ концѣ IX и началѣ X-го столѣтія къ этимъ двумъ этнографическимъ элементамъ Галліи присоединилась еще новая стихія въ лицѣ норманновъ, жителей скандинавскаго сѣвера, занявшихъ сѣверный уголокъ Галліи, уступленный имъ Карломъ Простымъ и получившій имя Нормандіи. Норманны съ удивительной скоростью подчинились романскому вліянію, приняли языкъ, обычаи и учреж-

денія страны, въ которой поселились, и такъ быстро слились съ романскимъ населеніемъ, что къ половинѣ XI-го вѣка почти ни чѣмъ не отличались отъ него. Таковы были три главнѣйшихъ этнографическія группы, составившіяся въ Галліи къ 11-му вѣку. Собственно же французская народность образовалась на сѣверѣ, въ центрѣ сѣверной части западной половины франкского государства, въ Иль-де-Франсѣ. Пока существовали каролинги, вся западная часть бывшей монархіи Карла, называлась или западнымъ королевствомъ франковъ или каролингіей по имени ея правителей. Границы Каролингіи въ IX и X-мъ вѣкахъ постоянно мѣнялись, и король обладалъ здѣсь очень слабою властью надъ развившимися мелкими государствами. На сѣверѣ самымъ важнымъ изъ этихъ государствъ было герцогство Иль-де-Франское, имѣвшее своимъ центромъ Парижъ и присвоившее себѣ имя Франціи западной. Въ продолженіи столѣтія, слѣдовавшаго за низложеніемъ Карла Толстаго, корона западнаго королевства часто переходила отъ государей дома Карла Великаго къ герцогамъ Иль-де-Франскимъ или французскимъ, такъ что титулъ короля западныхъ франковъ совпадалъ съ титуломъ герцога Франціи. Съ прекращеніемъ же каролингскаго рода въ этой половинѣ франкского государства, когда королемъ его былъ избранъ Гуго Капетъ, герцогъ иль-де-Франскій, королевство и герцогство французское больше уже не раздѣлялись, и потому именовъ Франція, относившимся ранѣе къ герцогству, теперь стали обозначать владѣнія короля. По мѣрѣ того, какъ короли захватывали подъ свою власть области сосѣдей, и значеніе слова Франція расширялось, пока, наконецъ, въ XIII мѣ вѣкѣ, послѣ альбигойскихъ войнъ и присоединенія къ французской коронѣ провансальскаго юга, оно не стало обозначать всей современной франціи. Так. образ., французская народность составила изъ весьма различныхъ элементовъ: кельты, римляне, вестготы, бургунды, франки, норманны—каждое изъ этихъ племенъ внесло свою долю въ ея образованіе, и если смотрѣть на нее съ какой-нибудь спеціальной точки зрѣнія, то можно назвать ее по имени любого изъ этихъ элементовъ. По крови эта народность главнымъ образомъ кельтская, но съ прибавкой римской и тевтонской крови; языкъ ея латинскій, но съ большею при-

мѣсю тевтонскихъ словъ, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Политическая ея исторія есть исторія германскаго королевства, видоизмѣненная, однако, перенесеніемъ германской королевской власти въ среду говорящаго по латыни населенія первоначально кельтской страны. Всѣ эти элементы слились въ одно цѣлое, но не исчезли, и въ отдѣльных мѣстностяхъ слѣды ихъ видны ясно и теперь. Въ Бретани и до нашихъ дней сохранился кельтическій характеръ, языкъ и обычаи, точно также и различіе въ характерѣ и языкѣ между сѣверянами и южанами Франціи.

Отъ народностей, образовавшихся въ *центръ* Европы послѣ распадѣнія монархіи Карла Великаго переходу къ третьей группѣ, выдѣленной въ самостоятельную область по Вердунскому раздѣлу т. е., къ Италиі и къ итальянской народности. Въ то безпорядочное время, которое въ исторіи именуется эпохою великаго переселенія народовъ, ни одна страна не выдержала столько нашествій варваровъ, не видѣла у себя такого разнообразія новыхъ племенъ, какъ Италия. Вмѣстѣ съ вѣчнымъ городомъ она служила самымъ лакомымъ кускомъ, привлекавшимъ къ себѣ варварскіе аппетиты: вестготы, вандалы, гунны и толпы другихъ племенъ перебивали здѣсь послѣдовательно, одно за другимъ, какъ бы для того, чтобы награбить добычи, повидать Римъ и затѣмъ вновь возвратиться за Альпы. Конечно, ни одно изъ этихъ нашествій не проходило безслѣдно для состоянія Италиі тогдашняго времени, но какихъ-либо существенныхъ, осязательныхъ послѣдствій для дальнѣйшей ея исторіи они не оставили; для этого они были слишкомъ бурны и кратковременны. Такихъ послѣдствій не имѣло и болѣе чѣмъ полувѣковое господство готовъ въ Италиі; малочисленное, отличавшееся отъ покореннаго населенія религіей, языкомъ и нравами племя готовъ, не смотря на таланты и усилія своего вождя Теодориха, никогда не могло привлечь къ себѣ симпатій покоренныхъ и сгладить пропасть, раздѣляющую ихъ отъ жителей Италиі: готы были истреблены послѣдними при помощи византійскихъ войскъ и ихъ владычество въ исторіи образованія итальянской народности прошло мимо-летнымъ эпизодомъ. Во второй половинѣ VII в. Италия еще разъ подпала завоеванію новаго германскаго племени лангобардовъ. Обрисованные въ извѣстіяхъ современниковъ,

какъ племя съ несокрушимымъ мужествомъ и дикою свирѣпностью, лангобарды, покоривъ сѣверную Италію, оказались безпощадными въ отношеніи къ коренному ея населенію, которое разсматривалось лангобардами, какъ только военная добыча. Оно потеряло всѣ свои политическія права, его личная свобода уменьшилась и имущество было или захвачено варварами или оставлено у прежнихъ владѣльцевъ подъ условіемъ уплаты побѣдителямъ третьей части. Замѣчательно, что въ противоположность прочимъ германскимъ племенамъ, лангобарды приносили съ собою рѣшительную исключительность ко всякому другому праву, кромѣ своего собственнаго. Съ ихъ прибытіемъ римское право потеряло въ Италіи публичное значеніе, и римляне, лишеныя возможности занимать какія либо государственныя должности, вынуждены были подчиниться лангобардскимъ повелителямъ и лангобардскому праву. Это обстоятельство имѣло, однако, и свою хорошую сторону, именно: оно сдѣлало невозможнымъ такое раздѣленіе между римлянами и лангобардами, какое имѣло мѣсто въ государствѣ готовъ. Насильственно введенныя въ составъ лангобардскаго государства, римляне по необходимости жили подъ одними съ варварами законами, пользовались одинаковыми учрежденіями, повиновались однимъ и тѣмъ же правителямъ и постепенно сближались съ ними. Когда же лангобарды, исповѣдовавшіе сначала арианство, приняли католическую вѣру, сближеніе пошло быстрыми и рѣшительными шагами. Оно совершалось здѣсь также, какъ и въ другихъ римскихъ провинціяхъ, завоеванныхъ варварами. Грубые завоеватели подчинились культурѣ завоеванныхъ, заимствовали отъ нихъ языкъ, вѣру, науку, искусство и нѣкоторыя учрежденія и слились съ ними въ одну романскую націю, которая по своимъ политическимъ формамъ напоминала о своемъ германскомъ происхожденіи, но которая по языку и начаткамъ культуры ясно говорила о родствѣ съ Римомъ. Въ этой націи необѣдимая лангобардская энергія соединилась съ тонко развитымъ римскимъ смысломъ и скоро дала свой плодъ въ блестящемъ расцвѣтѣ городской жизни. При содѣйствіи богатствъ, собранныхъ торговлей отовсюду, итальянскія города сдѣлались убѣжищемъ для наукъ и искусства, школой изящныхъ манеръ и утонченныхъ формъ общежитія, пріютомъ свободы

мысли и поступковъ и превратили итальянца—этого потомка суроваго римлянина и свирѣпаго лангобарда—въ существо изнѣженное, непостоянное, съ склонностью къ чувственнымъ удовольствіямъ и лести, но въ то же время одаренное тонкою способностью художественнаго чутья и поэзіи.

Такимъ образомъ, послѣ распадѣнія имперіи Карла Великаго т. е. къ концу X-го и началу XI-го вѣка на континентѣ западной Европы вмѣсто варварскихъ государствъ мы имѣемъ уже ясно выразившіяся три новыя національности: одна изъ нихъ—германская—явилась слѣдствіемъ объединенія варварскихъ племенъ, сохранившихъ въ чистотѣ свой начальный племенной типъ, свой языкъ и учрежденія и оставшихся чуждыми глубокому воздѣйствію Рима и его культуры. Двѣ же остальныхъ—французская и итальянская національности возникли изъ смѣшенія варваровъ съ покореннымъ римскимъ населеніемъ, у котораго они заимствовали языкъ, нравы и культуру и, въ отличіе отъ зарейнской Германіи, составили собой романскій міръ, одну семью романской народности.

Нѣсколько позднѣе къ этой семьѣ романскихъ народовъ присоединилась еще третья національность—испанская. Она возникла и образовалась тѣмъ же самымъ процессомъ, какой совершался въ Галліи и Италіи. Подобно Галліи Испанія ко времени переселенія народовъ была вполнѣ римской страной, усвоила себѣ римскіе нравы и учрежденія, обладала школами, неуступавшими въ дѣлѣ просвѣщенія знаменитымъ школамъ Греціи и Рима и часто оказывала воздѣйствіе на самый Римъ, выдѣляя ему изъ своей среды такихъ писателей, какъ напр. оба Сенеки и Квинтиллианъ, и такихъ императоровъ, какъ Траянъ или Феодосій Великій. Когда германскія племена вандаловъ и вестготовъ перешли Пиринейскій хребетъ, они встрѣтили за нимъ уже вполнѣ римское населеніе. Впрочемъ, прибытіе Вандаловъ въ Испанію не имѣло существеннаго значенія для образованія испанской народности; и какъ королевство и какъ нація, вандалы не оставили здѣсь прочныхъ слѣдовъ, если не считать одной области, именно Андалузіи, гдѣ они пробыли довольно долго и которая, очевидно, отъ этого племени получила свое наименованіе. Испанская національность сложилась изъ смѣшенія древнѣйшаго населенія этого полу-

острова, принадлежавшаго къ племени кельто-иберовъ или цельтиберовъ съ вестготами. Вестготы медленно сживались съ покореннымъ населеніемъ; это было племя, фанатически преданное аріанскому исповѣданію и стремившееся всеми мѣрами дать ему преобладаніе. Лица духовнаго сана уже съ самаго начала занимали у вестготовъ высокое положеніе, такъ что король вестготовъ избирался собраніемъ не свѣтскихъ только, но и духовныхъ вельможъ. Когда же въ концѣ VI вѣка короли вестготовъ приняли православіе и открыли путь къ свободному сближенію побѣдителей съ покоренными, они предоставили такія широкія права духовенству, что послѣднее стало сильнѣе короля и вестготской аристократіи и получило преобладающее вліяніе на государственную жизнь и понятія народа. Вновь возникавшая національность поставлена была так. обр. подъ опеку фанатически настроеннаго католическаго духовенства и воспитывалась въ крайнемъ направленіи внѣшняго благочестія и суевѣрій. Этому способствовало въ VIII-мъ вѣкѣ то обстоятельство, что Испанія подпала власти арабовъ—магометанъ; задержавши развитіе испанской народности, арабское владычество вмѣстѣ съ тѣмъ наложило на нее тотъ обликъ, съ какихъ она выступаетъ въ теченія среднихъ вѣковъ и новаго времени. Въ постоянной борьбѣ съ мусульманами, борьбѣ, естественно принявшей религіозный характеръ,—эта нація развила до послѣднихъ предѣловъ ту узкую религіозность, которая была вложена въ нее на первыхъ шагахъ ея историческаго существованія, и явилась источникомъ всехъ тѣхъ ужасовъ, которые расходились отсюда по всей Европѣ. Здѣсь, въ Испаніи, впервые появился тотъ извѣстный сборникъ декретарій, опираясь на который папы требовали себѣ полнаго господства надъ дѣйствіями и совѣстью людей; здѣсь же свила свое гнѣздо инквизиція съ ея безпощаднымъ преслѣдованіемъ всякой новой мысли и такими торжественными ауто-да-фе, какихъ не видала никакая другая страна Европы; отсюда же вышелъ и Игнатій Лойола, основатель іезуитскаго ордена,—этой опоры папскаго абсолютизма и религіозной нетерпимости

VII.

ФЕОДАЛИЗМЪ.

Опредѣленіе понятія.—Различныя теоріи по вопросу о происхожденіи феодальной системы и разборъ ихъ—Процессъ постепеннаго развитія феодализма: образованіе бенефициальной собственности и социальное значеніе этого явленія

Обращаюсь къ изученію второго важнѣйшаго послѣдствія распаденія имперіи Карла Великаго, такъ наз. феодализма.

Подъ именемъ феодализма разумѣется тотъ своеобразный порядокъ политическаго, социальнаго и экономическаго строя, который установился въ западной Европѣ съ распадениемъ монархіи Карла Великаго и прекращениемъ Карловинской династіи и который оставался господствующимъ до XIV столѣтія. На протяженіи XI, XII и XIII вѣковъ, то есть, въ продолженіе той эпохи, которой въ исторической наукѣ и усвоется названіе средневѣковья, феодализмъ представлялъ собой столь характерное явленіе, что многіе ученые, и не безъ основанія, всю исторію западно-европейскаго общества за указанный періодъ сводятъ къ развитію и разрушенію феодальной системы быта. Такое значеніе феодализма въ исторіи среднихъ вѣковъ объясняется изъ того, что этою формой политическаго и общественнаго быта обнималась не одна какая-либо сторона жизни западныхъ народовъ, но всѣ ея стороны безъ исключенія, всѣ ея проявленія входили въ феодальную систему, занимали опредѣленное мѣсто и развивались подъ вліяніемъ установленнаго ими порядка вещей. Даже тѣ элементы средневѣковой жизни, какъ напр. католицизмъ или королевская власть, которые по своему существу стояли въ полной противоположности съ феодальными началами, были поглощены феодализмомъ, приняли чуждую, не свойственную имъ окраску и только путемъ долгой и упорной борьбы освободились отъ его господства. Такимъ образомъ, феодализмъ явился первой всеобъемлющей формой жизни для западной Европы; въ своей тонко развитой іерархіи онъ соединилъ все западно-европейское общество, начиная отъ короля и кончая послѣднимъ сервомъ или крѣпостнымъ, положеніе котораго мало чѣмъ отличалось отъ положенія раба въ Римѣ и сосредоточилъ въ

своей области всё общественныя, экономическія, политическія и даже церковныя отношенія.—Другая важная для историка сторона феодализма заключается въ томъ, что, будучи для среднихъ вѣковъ, явленіемъ обще-европейскимъ и всеобъемлющимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ политическихъ системъ современнаго Запада. Тѣ контрасты, какіе наблюдаются въ настоящее время въ строѣ политическихъ учрежденій западно-европейскихъ странъ, и которые бросаются въ глаза при сравненіи ихъ административнаго устройства, судебныхъ формъ и сословныхъ отношеній,—всѣ эти противоположности свои корни имѣютъ въ особенностяхъ феодальнаго строя и свое объясненіе находятъ въ отличительныхъ чертахъ, сопровождавшихъ процессъ разрушенія феодализма въ той или другой сторонѣ. Конституціонная Англія, счумѣвшая удивительнымъ образомъ согласовать съ прочными государственными порядками свободу отдѣльной личности, великія абсолютныя монархіи XVII вѣка, союзъ германскихъ княжествъ и герцогствъ, въ наше время выступающій подъ именемъ объединенной германской имперіи, даже французская революція XVIII вѣка—все это ведетъ свое начало изъ отдаленной глубины средневѣковой феодальной системы и безъ отношенія къ ней не можетъ быть правильно и всесторонне понято. Новая Европа возросла на почвѣ подготовленной феодализмомъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ феодальныя порядки и феодальныя идеи еще и доселѣ составляютъ живую силу общества.

Что же такое называется феодализмомъ?

Не смотря на все значеніе феодализма въ исторіи западной Европы, не смотря даже на внушительное количество солидныхъ ученыхъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію этого своеобразнаго явленія, еще до сихъ поръ не сформулировано такого точнаго опредѣленія, которое въ нѣсколькихъ выраженіяхъ обнимало бы все его существо. Западно-европейская феодальная система была явленіемъ весьма сложнымъ, захватывающимъ различныя сферы жизни, и въ то же время явленіемъ слишкомъ подвижнымъ, слишкомъ измѣнчивымъ, принимавшимъ разнородныя оттѣнки въ различныхъ пунктахъ западнаго пространства, чтобы можно было дать ему какое-либо исчерпывающее опредѣленіе. Име-

немъ феодализма одновременно обозначается и государственное право средних вѣковъ т. е. вся система средне-вѣкового государственнаго устройства, и особенная система поземельныхъ отношеній и, наконецъ, особенная система частныхъ правъ. Обыкновенно ученые, занимавшіеся феодализмомъ довольствовались общимъ представленіемъ о немъ или перечисленіемъ въ отдѣльности каждаго изъ тѣхъ признаковъ, которые отличаютъ его отъ современнаго строя жизни. Господствующимъ воззрѣніемъ на феодализмъ, къ которому примыкаетъ большинство изслѣдователей, и теперь остается то, какое высказалъ Гизо въ „Исторіи цивилизаций Франціи“. Гизо видѣлъ сущность феодализаци въ слѣдующихъ трехъ фактахъ: 1) въ замѣнѣ полной собственности условной; 2) въ соединеніи верховной власти съ землевладѣніемъ и 3) установленіи особой вассальной іерархіи между государями помѣщиками. Если исключить послѣдній признакъ, такъ какъ онъ предполагается первыми двумя, то короче феодализмъ можно будетъ свести: а) къ дробленію идеи собственности и б) къ дробленію идеи верховной власти. Особенный характеръ феодальной собственности состоялъ въ томъ, что несмотря на ея дѣйствительность, полноту и наследственность, она считалась принадлежащей не тому лицу, которое владѣло ею, а другому, отъ котораго она получалась во владѣніе подъ условіемъ различныхъ обязательствъ. Въ феодальномъ строѣ поземельныхъ отношеній современный собственникъ какъ бы распадался на двѣ половины, такъ что участокъ земли оказывался принадлежащимъ одновременно двумъ лицамъ, изъ которыхъ одно было юридическимъ собственникомъ, а другое фактически пользовалось имъ, исполняя опредѣленныя обязательства въ отношеніи къ первому. Въ этомъ и заключается различіе между такъ наз. *dominium directum* и *dominium utile*, характеризующее собой соціально-экономическую сторону феодализма. Ближайшимъ и прямымъ слѣдствіемъ совершившагося въ феодализмѣ перехода полной собственности въ условную и явилось раздѣленіе средне-вѣковаго общества на два класса: на классъ помѣщиковъ—господъ, владѣвшихъ обширными землями и раздавшихъ ихъ въ пользованіе другимъ лицамъ подъ условіемъ извѣстнаго рода обязательствъ, и на классъ зависящихъ отъ нихъ условныхъ вла-

дѣльцевъ, обремененныхъ различными податями на благо первыхъ. Это различіе между двумя классами феодальнаго общества стало полнѣе и глубже послѣ того, какъ съ распаденіемъ монархіи Карла Великаго, феодальные помѣщики захватили въ свои руки верховныя права и каждый сеньоръ сдѣлался въ своемъ помѣстьи полновластнымъ государемъ. Политическое значеніе феодализма и состоитъ въ томъ, что въ немъ верховная власть слилась съ земельной собственностью, прикрѣплена была къ землѣ, такъ что тотъ, кто получалъ въ свое владѣніе землю, пріобрѣталъ вмѣстѣ съ тѣмъ надъ ея жителями всѣ тѣ права, которыя въ наше время принадлежатъ верховной власти, правительству или государству. Въ феодализмѣ государство *локализовалось*, распалось на множество отдѣльныхъ организмовъ—помѣстій, изъ которыхъ каждое могло бы быть названо самостоятельнымъ государствомъ. Когда совершился этотъ переходъ соціальнаго феодализма въ политическій, прежнее раздѣленіе общества на землевладѣльцевъ и подневольныхъ земледѣльцевъ превратилось въ раздѣленіе общества на господъ и подданныхъ, и частно-правовыя отношенія получили характеръ государственныя.

Спрашивается: какимъ же образомъ могъ возникнуть этотъ странный порядокъ общественнаго и государственнаго строя и гдѣ лежать его причины?

Такое сложное и разностороннее явленіе, какъ феодализмъ, широко раскинувшійся не только въ пространствѣ, но и во времени, не могъ образоваться сразу, въ какой-либо одинъ историческій моментъ: оно необходимо предполагаетъ для себя продолжительную эпоху,—и процессъ его образованія дѣйствительно наполняетъ собою цѣлый періодъ исторіи. Мѣстомъ, гдѣ ранѣе и полнѣе развился феодальный строй, служила Галлія или современная Франція; отсюда уже феодализмъ перешелъ въ Англію; нѣсколько позднѣе утвердился и въ Германіи. Въ Галліи феодализмъ достигъ полнаго господства и законченнаго развитія еще въ X-мъ в., вмѣстѣ съ паденіемъ королевской династіи; въ исторіи Галліи образованіемъ феодализма обозначается, такимъ образомъ, конецъ переходной эпохи,—эпохи столкновенія и борьбы германскихъ и римскихъ элементовъ. Отсюда и при рѣшеніи вопроса о причинахъ феодализаціи возможны три

различныхъ отвѣта: 1) феодализмъ подготовленъ былъ еще учрежденіями римской имперіи (*романская теорія*), 2) онъ былъ привнесень сюда и созданъ дѣятельностью германскаго племени (*германская теорія*), 3) его можно разсматривать, какъ результатъ особенныхъ условій переходной эпохи, независимо отъ того или другого племеннаго начала—(*теорія сравнительно-исторической школы*). Если просмотрѣть труды главнѣйшихъ представителей историографіи XIX вѣка, занимавшихся вопросомъ о происхожденіи феодализма, то не трудно будетъ замѣтить, что, не смотря на частныя, своеобразныя отвѣтки, всѣ высказанныя изслѣдователями мнѣнія по этому вопросу сводятся къ тремъ указаннымъ категоріямъ. Романская гипотеза для объясненія феодализма налагаетъ на значеніе въ средневѣковой Европѣ римскаго элемента; наибольшее число представителей она имѣетъ въ романскихъ странахъ, въ Италіи и преимущественно во Франціи. Въ историческихъ изслѣдованіяхъ романскихъ историковъ вообще замѣтна тенденція къ умаленію роли германскихъ народовъ въ исторіи или къ представленію ихъ дѣятельности въ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ. Нѣкоторые изъ французскихъ историковъ, какъ напр. Перресье готовы видѣть въ среднихъ вѣкахъ одно лишь продолженіе исторіи римской, а потому, естественно, что въ феодализмѣ они видятъ фактъ, въ своихъ основныхъ чертахъ доставшійся въ наслѣдіе новой Европѣ послѣ Рима. Наилучшее и сравнительно умѣренное выраженіе о подготовленіи феодализма въ римской имперіи получило у новѣйшаго французскаго историка—Фюстель-де Куланжа. Отдѣльныя наблюденія за устройствомъ поземельныхъ отношеній въ римской имперіи, надъ положеніемъ и стремленіями отдѣльныхъ сословій складываются у него въ общую картину возвышенія аристократіи, съ которой уже считается государство, которая мало-по-малу подчиняетъ себѣ остальное населеніе и иногда получаетъ даже антигосударственное значеніе. Фюстель-де-Куланжъ не слишкомъ налегаетъ на отдѣльныя подробности, не старается доказать, что въ римской имперіи были уже феодальныя бароны; онъ оставляетъ широкое поле и для дѣятельности германскаго элемента, но общее впечатлѣніе отъ его гипотезы то, что этотъ элементъ долженъ былъ пополнить рамки, поставленныя еще въ римскую эпоху.

Этотъ общій результатъ совершенно отдѣляетъ Фюстель-де-Куланжа и другихъ романистовъ отъ представителей германской школы, въ которой они не рѣдко сходятся въ частностяхъ.—Самое распространенное объясненіе феодализаціи рассматриваетъ ее, какъ процессъ развитія германскихъ началъ, стоящихъ въ связи съ племенными свойствами германцевъ или принятыхъ западной Европой вслѣдствіе завоеванія. Научное обоснованіе этотъ взглядъ впервые получилъ у Монтескьё; затѣмъ на его сторону встали такіа солидныя ученые силы, какъ Эйххорнъ, Савиньи, Вайтцъ, Ротъ и др. Въ изложеніи процесса феодализаціи германская школа выдвигаетъ на первый планъ преобладаніе среди древнихъ германцевъ центробѣжныхъ силъ, присущее германской расѣ стремленіе къ индивидуализму и индивидуализаціи; въ частности же германисты источникъ феодализма видятъ въ дружинахъ, собиравшихся около членовъ знатныхъ аристократическихъ родовъ и ходъ феодализаціи строятъ слѣдующимъ образомъ. Въ своихъ постоянныхъ войнахъ и междоусобіяхъ меровингскіе короли должны были опираться не на все населеніе, а на привязанныхъ къ нимъ лично вѣрностью дружинниковъ; въ вознагражденіе за эту личную вѣрность дружинниковъ короли отдавали имъ земли во владѣніе подъ условіемъ сохраненія имъ вѣрности и уступали имъ значительную долю вліянія на дѣла. Такъ образовалась аристократія, стоявшая къ королю въ особыхъ отношеніяхъ и владѣвшая условною собственностью; благодаря стеченію особыхъ обстоятельствъ эта аристократія захватила въ свое пользованіе права, свойственныя королевской власти и такимъ образомъ возникло феодальное государство, гдѣ каждый помѣщикъ—аристократъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ самостоательнымъ королемъ.

Нѣтъ надобности входить въ подробный критическій обзоръ той и другой школы на происхожденіе феодализма, чтобы видѣть недостаточность и односторонность ихъ теорій. Уже одно сопоставленіе работъ романистовъ и германистовъ съ наглядною ясностью даетъ возможность видѣть то, что внутренней подкладкой ихъ ученія являются сознательныя или бессознательныя симпатіи ихъ представителей къ романской или германской расѣ, а тамъ, гдѣ вліяютъ національныя чувства, аргюі можно предполагать, что дѣло

ведется не совсѣмъ чисто. Главный же научный недостатокъ, свойственный той и другой школѣ, состоитъ въ непрочности ихъ методическихъ приѣмовъ. Историки обѣихъ категорій собираютъ факты, толкуютъ и группируютъ ихъ, но при этомъ каждой категоріи присущи способы, особенно ея отличающіе и содѣйствующіе тому, что задача рѣшается именно въ томъ, а не другомъ направленіи, Романская школа, стремясь установить свое ученіе, постоянно прибѣгаетъ къ слѣдующему аргументу: та или другая черта свойственна феодализму, сродную черту мы находимъ въ римскомъ обществѣ IV и V вѣковъ; слѣдовательно, первая развилась изъ второй. Ясно для всякаго,—между прочимъ, и для романистовъ, что сходство здѣсь играетъ чрезвычайно важную роль. Если бы дѣло шло даже о сходствѣ общемъ, о сходствѣ въ характерѣ учрежденія и быта, то и тогда недостаточно было бы его одного, чтобы говорить о связи и зависимости одной формы отъ другой; тѣмъ болѣе его недостаточно въ томъ случаѣ, когда имѣются въ виду не общіе факты, а ихъ частныя характеристическія черты. Напр. можно легко указать нѣкоторое сходство между отношеніемъ римскаго поссессора (помѣщика) къ колону въ римскомъ обществѣ съ одной стороны, и отношеніемъ сеніора къ виллану съ другой,—но это сходство, касающееся только немногихъ сторонъ, еще ни о чемъ не говоритъ. Даже самое разительное сходство между какими-либо порядками IV и X в.в. не ручается за происхожденіе позднѣйшаго факта изъ болѣе ранняго; чтобы доказать послѣднее, необходимо прослѣдить преемственность между двумя фактами или постепенное развитіе второго изъ перваго. Этого-то и не могутъ сдѣлать романисты, ограничивающіеся только ссылками на общіе признаки сходства. Болѣе удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ школа германистовъ. Она не только указываетъ на вѣроятные зародыши въ древне-германскихъ учрежденіяхъ, но слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ этихъ зародышей, насколько позволяютъ это источники. Однако и противъ этой школы, помимо національных тенденцій ея, можно выставить слѣдующія два возраженія: а) она вѣритъ въ то, что націей управляетъ извѣстный, врожденный ей принципъ и важнѣйшіе факты германской исторіи старается поставить въ связи съ принципомъ индиви-

дуализации. Безъ сомнѣнія, народный характеръ играетъ важную роль въ исторіи и въ значительной степени опредѣляетъ ее, но можно-ли народный характеръ сводить къ такой общей категоріи, какъ индивидуализація, да и не слагается-ли народный характеръ подъ вліяніемъ тѣхъ же историческихъ событій, которыя по ученію германистовъ должны объясняться черезъ него? Во-вторыхъ если феодализация была результатомъ племенныхъ особенностей однихъ только германцевъ, то какимъ образомъ она могла развиваться не только въ Германіи и Англіи, но во Франціи и Италіи, т. е. въ странахъ, гдѣ исконныя свойства германскаго духа не могли найти широкаго примѣненія, гдѣ они, если не совсѣмъ были подавлены, то сгладились подъ вліяніемъ иноплеменныхъ элементовъ? Не ясно-ли отсюда, что феодализмъ имѣетъ для себя причины общеисторическія, а не племенные?

Такъ и смотритъ на феодализмъ третья школа историковъ, руководствующихся сравнительнымъ методомъ, которую поэтому и можно назвать школой сравнительнаго изученія феодализма. По воззрѣніямъ этой школы феодализмъ не есть продуктъ какихъ-либо племенныхъ свойствъ и особенностей,—германской-то, или романской расы; онъ не есть также продуктъ мѣстныхъ историческихъ причинъ: онъ есть цѣлый фазисъ развитія, необходимая форма перехода отъ общиннаго устройства къ преобладанію въ обществѣ принципа личнаго. Характерныя черты этого взгляда можно находить еще у Маурера въ его „Введеніи къ исторіи общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти“. Самъ Мауреръ, впрочемъ, держался почвы чисто германскихъ отношеній, но придавая главное значеніе фактамъ земледѣлія, группируя вопросъ о феодализации около сельской общины (марки), онъ указалъ путь къ сравнительному изученію, по которому скоро и пошли за предѣлами Германіи. Такъ напр. Менъ утверждалъ, что сельская община и ея разложеніе не составляетъ какой-либо особенности Германской исторіи; явленія эти встрѣчаются и у другихъ народовъ арійской семьи—у кельтовъ, индусовъ, славянъ,—въ исторіи которыхъ даны процессы, аналогичные съ западно-европейскимъ феодализмомъ. Идеи сравнительной школы вскорѣ были подхвачены историками

различныхъ націй, и вотъ слышались рѣчи о византийскомъ феодализмѣ, о феодализмѣ въ мусульманскомъ мірѣ и пр.: даже въ исторіи острова Явы, въ Мексикѣ и Перу представители сравнительнаго метода находятъ столь аналогичныя явленія, что считаютъ возможнымъ говорить о феодализмѣ въ этихъ мѣстностяхъ. Не буду останавливаться на подробномъ разборѣ ученія и этой школы, потому что это потребовало бы обращенія къ слишкомъ специальнымъ даннымъ; къ тому же упомянутая школа имѣетъ въ виду феодализмъ вообще, а не феодализмъ западно-европейскій, которымъ мы должны заняться, но, мнѣ кажется, изъ данныхъ, собранныхъ историками сравнительнаго изученія можно извлечь то несомнѣнное заключеніе, что феодализмъ не есть явленіе ни специально германское, ни романское исключительно; въ объясненіяхъ тѣхъ или другихъ частностей *западно-европейскаго* феодализма, конечно, необходимо искать прецедентовъ въ романскомъ или германскомъ мірѣ, но въ главномъ и общемъ феодализмъ есть явленіе, коренящееся по своимъ причинамъ *въ особыхъ условіяхъ переходной эпохи*. Съ этой точки зрѣнія я и раскрою исторію феодализма на Западѣ.

I. Основные и первые элементы для феодальной системы положены были переселеніемъ германцевъ и развились до стройныхъ отношеній въ эпоху меровинговъ и карловинговъ. Мы уже знаемъ, что первоначально политическое устройство германцевъ до вторженія ихъ въ предѣлы римской имперіи было чрезвычайно просто, какъ обыкновенно бываетъ у варварскихъ первобытныхъ народовъ. У германцевъ не существовало ни политическаго единства, ни большихъ и сложныхъ государственныхъ организмовъ. Они вели чисто общинную жизнь: волость (gau, pagus) составлявшаяся изъ нѣсколькихъ малыхъ общинъ или, чаще всего представлявшая одну большую общину, служила основой всего ихъ политическаго быта, являлась, такъ сказать, элементарной единицей ихъ политическаго строя. Всѣ люди жили сосѣдями на общей землѣ (марка), окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ или какой-нибудь другой природной границей. Земля дѣлилась на двѣ части; одна содержала въ себѣ усадьбы и участки отдѣльныхъ членовъ общества, въ другой заключались общіе выгоны, луга и лѣса. То, что не

было въ частномъ владѣнн, то принадлежало всѣмъ, всей общинѣ. Община же и волостное собраніе представляло собой и верховную власть, исполнительная же власть и предсѣдательство на судѣ поручались особымъ старшинамъ, *gaugrafen*, которые пожизненно назначались волостнымъ собраніемъ. На время войны для начальства надъ народнымъ ополченіемъ нарочито избирали военные предводители или герцоги. Только у немногихъ германскихъ племенъ существовала наследственная королевская или княжеская власть, но и она не вносила дисгармоній въ демократическій характеръ политической жизни германцевъ.

Это простое, первобытное устройство древнихъ германцевъ совершенно измѣнилось, когда германскія племена переселились въ римскія предѣлы и сдѣлались владѣтелями различныхъ римскихъ областей. Обыкновенно, германскіе завоеватели, поселяясь въ римскихъ областяхъ, прибѣгали къ болѣе или менѣе правильному дѣлежу земель между собой и туземцами, брали себѣ двѣ трети или одну треть не всей вообще земли, но только тѣхъ ея частей, которые заняты были ими. Объ остготахъ, вестготахъ и вандалахъ это извѣстно положительно; нѣтъ подобныхъ извѣстій о франкахъ, и нѣтъ ихъ, вѣроятно потому, что къ правильному дѣлежу занятыхъ земель франки и не приступали. Такъ какъ переселеніе франковъ происходило въ разныя времена и при различныхъ условіяхъ, то и не могло быть одной общей системы въ землевладѣнн и распредѣленн земель между завоевателями. За исключеніемъ сѣверно-восточной Галліи, съ населеніемъ которой франки поступили безпощадно, въ остальныхъ мѣстахъ они въ большинствѣ случаевъ занимали прежнія государственныя земли, домены римскихъ императоровъ или никому не принадлежащія, покинутыя владѣльцами пространства, которыхъ очень много скопилось въ Галліи вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, грабежей и нападений варваровъ. Они не имѣли даже надобности отнимать обширныя владѣнны знатныхъ римлянъ, такъ называемыя лятифундіи, принадлежавшія сенаторскимъ фамиліямъ и имѣвшія множество колоновъ. Эти *gutsbesitzer* сохранили свои права и постоянно упоминаются въ современныхъ источникахъ и законахъ. На новыхъ земляхъ германцы не сохраняютъ прежняго общиннаго

стройка, о которомъ у нихъ исчезаютъ всякія преданія; свободные люди, нѣкогда связанные общинною собственностью, они теперь разсѣялись по всей странѣ, и по жребію или по праву перваго захвата сдѣлались владѣльцами поземельныхъ участковъ, которые поступили въ ихъ полную, независимую и наследственную собственность. Такъ какъ жребіи на древне-нѣмецкомъ языкѣ назывался *Lot* или *Allod*, то и эти участки получили имя аллодовъ, положивъ начало аллодіальной собственности, собственности въ подлинномъ смыслѣ слова, т. е., чистой свободной собственности, которую владѣлецъ можетъ отчуждать, дѣлить, передавать по наследству,—словомъ, распоряжаться по своему усмотрѣнію. Какъ ни велико было число франковъ, завоевавшихъ Галлію, все-таки сумма всѣхъ этихъ участковъ, выпавшихъ на долю свободныхъ людей, составляла сравнительно небольшую часть всего пространства завоеванной страны. За исключеніемъ этихъ аллодіальныхъ участковъ, оставалось еще огромное пространство земли, не поступившей въ раздѣлъ между свободными франками. Возникаетъ вопросъ: кому же достались эти пространства завоеванной земли, не вошедшей въ составъ частной собственности? По древнимъ германскимъ законамъ, они должны были принадлежать общинѣ, но такъ какъ общинное устройство по переселеніи пало и съ исчезновеніемъ мелкихъ союзовъ остался только одинъ большой племенный союзъ, который выражался въ королѣ, какъ главѣ племени, то и всѣ тѣ земли, которыя не подвергались раздѣленію, должны были принадлежать королю, какъ представителю племеннаго единства. Это обстоятельство совершенно измѣнило значеніе королевской власти. Съ одной стороны, масса земли, поступившая во владѣнія короля, не могла имѣть для него характера простой обыкновенной собственности, какимъ былъ нѣкогда въ Германіи принадлежащій ему участокъ. Онъ могъ прежде заниматься и дѣйствительно занимался обработкой своего участка, какъ и всякій другой частный владѣлецъ. Теперь же вслѣдствіе обширности королевскихъ земель личное хозяйство уступаетъ мѣсто казенному, и король является не только собственникомъ этихъ земель, но и государемъ, обладающимъ верховною властью надъ жителями ихъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе исчезновенія об-

щины, въ которой ранѣе сосредоточивалась власть надъ свободнымъ германцемъ, эти послѣднія должны были встать въ такое же отношеніе къ королю, въ какомъ ранѣе они стояли къ общинѣ. Свободные люди сдѣлались подданными короля, подчинились его верховной власти и обязались нести общія государственныя повинности, которыя на первыхъ порахъ ограничивались обязанностью по призыву короля участвовать въ народномъ ополченіи, вооружаться на свой счетъ и обыкновениемъ дѣлать подарки королю въ извѣстныя времена.

Это новое положеніе короля скоро сдѣлалось источникомъ новыхъ явленій въ земельномъ строѣ франковъ, поселившихся въ Галліи. Припомнимъ, что послѣ смерти Хлодвига, доставившаго франкамъ господство почти надъ всей Галліей, его молодая монархія раздѣлилась между сыновьями и внуками и что слѣдствіемъ этихъ дѣлежей явились постоянныя семейныя распри и войны меровингскихъ королей. Такъ какъ это были частныя, а не народныя войны, потому что они касались лично королей, а не общихъ интересовъ всего племени и государства, то и меровинги не могли вести ихъ посредствомъ народнаго ополченія, состоявшаго изъ всѣхъ свободныхъ людей. Свободный человѣкъ обязанъ былъ королю военной службой только въ случаяхъ внѣшней войны, когда нужно защищать страну отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, но онъ вовсе не обязанъ былъ слѣдовать за королемъ противъ его братьевъ и родственниковъ. Вслѣдствіе этого для короля возникла потребность въ постоянной, такъ сказать, домашней, лично принадлежащей ему силѣ, которою онъ могъ бы пользоваться всегда и по своему личному усмотрѣнію. Достигнуть этого можно было только за плату и за вознагражденіе. По естественному порядку вещей это вознагражденіе въ то время могло состоять только въ дарственныхъ земельныхъ участкахъ. Въ ту эпоху чрезвычайно мало денегъ и драгоцѣнностей пускалось въ обращеніи; деньги и драгоцѣнности тогда скоплялись въ немногихъ частныхъ рукахъ и скрывались въ видѣ сокровища. Къ тому же главное богатство короля состояло не столько въ денежныхъ капиталахъ, сколько въ массѣ поземельной собственности, и притомъ постоянно увеличивавшейся вслѣдствіе конфискацій, новыхъ завоева-

ній и поступленій въ казну выморочныхъ имуществъ. Естественно, королю пришлось обратиться къ этому именно источнику и изъ него вознаграждать людей, добровольно вступившихъ къ нему въ военную службу. Дѣйствительно очень рано возникаетъ обычай, что военные люди лично служащіе королю, получаютъ отъ него вмѣсто жалованія земельныя участки во временное или пожизненное пользование. Получающій такую землю вступалъ къ королю въ отношеніи особенной личной зависимости, приносилъ ему особую присягу въ вѣрности, отличную отъ общей присяги въ подданствѣ, и обязывался слѣдовать всякому призыву короля, служить на войнѣ или исполнять разныя обязательства при дворѣ. *Политическій союзъ подданства верховной власти* замѣнялся здѣсь личнымъ, *частнымъ союзомъ*, имѣющимъ характеръ *договора* или контракта. Получившій въ подобное пользование земельный участокъ сохраняетъ его до тѣхъ поръ, пока останется вѣренъ королю; въ случаѣ измѣны, неповиновенія, неисполненія присяги король могъ отнять эту землю и передать другому. Такъ какъ получающій участокъ подъ условіемъ личныхъ обстоятельствъ могъ ручаться въ выполненіи ихъ только лично для себя, то понятно, что со смертію его прекращалась эта личная связь и участокъ возвращался къ королю, хотя этотъ послѣдній могъ оставить участокъ и родственникамъ послѣ умершаго. Если умиралъ прежде король, то владѣлецъ такого участка долженъ былъ искать утвержденія новаго короля въ правѣ на это владѣніе, и новый король имѣлъ полную власть не признать договора своего предшественника. Такія земли, выдѣленныя королемъ изъ своихъ владѣній и отданныя въ пожизненное пользование другому съ обязательствомъ военной или придворной службы, назывались *бенефиціями*.

А. Спасскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
